

References

1. *Antikorruptsiionnye itogi 2019 goda* [Anti-corruption results of 2019]. Available at: https://anticor.hse.ru/main/news_page/antikorrupciionnye_itogi_2019_goda.
2. Bazhanov, Ye. P., Bazhanova, N. Ye. *Dialog i stolknovenie tsivilizatsiy* [Dialogue and clash of civilizations]. Moscow, Ves mir Publ., 2013, p. 246.
3. *Bertold Brekht* [Berthold Brecht]. Available at: <https://www.litprichal.ru/work/318155/>.
4. *V SK Rossii proanalizirovana praktika rassledovaniya korruptsiionnykh prestupleniy* [The Investigative Committee of Russia analyzed the practice of investigating corruption crimes]. Available at: <https://sledcom.ru/news/item/1417917/?print=1>.
5. Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda RF ot 24.12.2019 N 59 «O vnesenii izmeneniy v postanovleniya Plenuma Verkhovnogo Suda Rossiyskoy Federatsii ot 9 iyulya 2013 goda N 24 «O sudebnoy praktike po delam o vzyatochnichestve i ob inykh korruptsiionnykh prestupleniyakh [Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of December 24, 2019 N 59 "On amendments to the decisions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of July 9, 2013 N 24" On judicial practice in cases of bribery and other corruption offenses]. *Rossiyskaya gazeta* [Russian newspaper], no. 296 (8054), December 31, 2019; Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda RF ot 16 oktyabrya 2009 goda N 19 "O sudebnoy praktike po delam o zloupotreblenii dolzhnostnymi polnomochiyami i o prevyshenii dolzhnostnykh polnomochiy" [Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of October 16, 2009 N 19 "On judicial practice in cases of abuse of office and abuse of office"]. *Rossiyskaya gazeta* [Russian newspaper], no. 207 (5031), October 30, 2009.
6. Примаков, Е. М. Мысли вслух []. Moscow, Rossiyskaya gazeta Publ., 2011, p. 94.
7. Материалы участников Круглого стола с международным участием "Проблемы противодействия коррупции на государственной и муниципальной службе и пути их решения в современной России". Rostov-on-Don, 2018, p. 482.
8. Число выявленных взяток в России в 2019 году выросло на 10 % []. Available at: <https://tass.ru/proisshestiya/7622875>.

**ИССЛЕДОВАНИЕ МУНИЦИПАЛЬНОЙ ПУБЛИЧНОЙ ПОЛИТИКИ
В КОНТЕКСТЕ ФОРМИРУЮЩЕГОСЯ СЕТЕВОГО ОБЩЕСТВА
(ПО РЕЗУЛЬТАТАМ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)**

Никовская Лариса Игоревна, доктор социологических наук, профессор,
главный научный сотрудник
Институт социологии РАН
Российская Федерация, 116218, г. Москва, ул. Кржижановского, 24/35, стр. 5
Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН
Российская Федерация, 119571, г. Москва, пр-т Вернадского, 82, стр. 1
E-mail: nikovsky@inbox.ru

Формирующееся сетевое общество неумолимо способствует повышению интенсивности взаимодействия власти и гражданского общества, а также стимулирует реформу государственного / муниципального управления в направлении усиления открытости и публичности, что позволяет более адекватно учитывать возрастающий запрос молодого, образованного городского среднего класса в направлении более активного отношения к социальным основам своей жизни. Внедрение современных форм информационно-коммуникационных технологий, возрастание удельного веса проектно-сетевых форм общественного участия способствовали увеличению вовлечённости граждан в разные формы взаимодействия с органами власти: они чаще стремятся активно принимать участие в формировании социально-политической «повестки дня». Это актуализирует выявление специфики общественного участия на основе принципов сетевого управления, изменения характера государства в направлении усиления его координирующих функций, исследование обновлённого формата государственного/муниципального управления как общественно-государственного.

Ключевые слова: сетевое общество, сетевое управление, гражданское общество, публичная политика, общественное участие, государственное/муниципальное управление

**RESEARCH ON MUNICIPAL PUBLIC POLICY
IN THE CONTEXT OF AN EMERGING NETWORK SOCIETY
(BASED ON THE RESULTS OF A SOCIOLOGICAL STUDY)**

Nikovskaya Larisa I., D. Sc. (Sociology), Professor, Chief Researcher
Institute of Sociology RAS
build. 5, 24/35, Krzhizhanovskogo St., Moscow, 116218, Russian Federation
Institute of Sociology, Federal Research Sociological Center RAS
bldg. 1, 82, Vernadsky Ave., Moscow, 119571, Russian Federation
E-mail: nikovsky@inbox.ru

The emerging network society inexorably increases the intensity of interaction between government and civil society, as well as encourages the reform of state/municipal management in the direction of increased openness and publicity, which makes it possible to more adequately take into account the growing demand of the young, educated urban middle class in the direction of a more active attitude to the social foundations of their lives. The introduction of modern forms of information and communication technologies and the increasing share of project-network forms of public participation have contributed to an increase in the involvement of citizens in various forms of interaction with authorities: they are more likely to actively participate in shaping the socio-political "agenda". It actualizes detection of the specificity of public participation based on the principles of network management, the changing nature of the state in strengthening its coordinating functions, the study of the updated format of the state/municipal administration as public.

Keywords: network society, network management, civil society, public policy, public participation, state/municipal management

Фундаментальные *социетальные изменения*, обусловленные стремительным переходом к информационному обществу, сетевой структуре социума меняют формат отношений между обществом и государством и ведут к *сдвигам в конфигурации властного пространства* [1, с. 205]. Повышается значение самоорганизации, управления через сообщества, интенсификация взаимоотношений между обществом и государством. Можно сказать, что государство в общественных делах не должно само «грести», его роль – «быть капитаном». В ходе приспособления к новым условиям формирующейся информационной реальности иерархическая структура государственно-политической власти начинает постепенно «встраиваться» в сложную сетевую конструкцию, где нельзя однозначно определить единственного субъекта принятия решений, обладающего абсолютным суверенитетом. При этом решающее значение приобретает функция координации, а вовлечение всех в публичность становится мобилизующей силой для бизнеса и гражданского общества.

Сетевое общество представляет собой социальную структуру, характеризующую информационную эпоху развития социума. Сетевые структуры предполагают особую форму координации взаимодействий, принципиально отличную от иерархий, поэтому властные отношения в них не могут иметь ту же природу и характер реализации, что и в политических системах жестко этакстического типа. По мнению Кастельса, одним из ключевых факторов, влияющего сегодня на специфику властных отношений, является возникновение и распространение новых форм коммуникации, прежде всего самокоммуникации, базирующейся на горизонтальных сетевых связях [2, с. 257], что приводит к существенным изменениям роли административных структур в процессе выработки и реализации государственной политики. Административные институты и, соответственно, современная бюрократия, начинают двигаться от политической нейтральности и формального следования букве закона к модели эффективной координации, посредничеству и нестандартным решениям, требующим инициативности в поиске решений социально значимых проблем. Государство всё больше «приобретает характер координационной структуры, которая интегрирует и регулирует расширяющиеся и дифференцирующиеся сетевые сообщества на основе универсальных публичных ценностей для решения общественно-значимых и специфических проблем различного уровня. При этом публичная политика становится продуктом, вырабатываемым совместно на принципах диалога, сотрудничества и партнёрства разнообразных акторов» [2, с. 258].

В западной мысли структурный сдвиг в системе критериев степени публичности и качества государственного управления привёл к существенному обновлению теории государственного управления. Постиндустриальный, информационный, сетевой контекст управленческой деятельности привёл к трансформации традиционного типа управленческого мышления, сделав акцент на актуализации процессов самоорганизации социальных систем, повышении значения коммуникативной эффективности государственного / муниципального управления. В результате в рамках новой парадигмы науки о государственном управлении стало формироваться представление о том, что современный публичный менеджмент – это по преимуществу управление сложными сетевыми образованиями, состоящими из множества акторов общегосударственного, регионального, местного управления, групп интересов, социальных институтов, частных организаций и т. д.

В концептуальном пространстве стал складываться переход от модели «нового государственного менеджмента» (NPM) к менеджменту публичных ценностей (Public Value Management – PVM), когда деятельность государства начинает коррелироваться со структурами формирующейся *социальной власти*. Концепция менеджмента публичных ценностей выходит за пределы экономического подхода к публичному управлению и вводит ряд императивов, которые по-другому ставят вопросы отношений государства и общества [3, р. 361]. Это стимулировало разработку концепции государственного управления, предусматривающей обеспечение широкого доступа граждан и бизнеса к правительственной информации, прежде всего в сфере образования, здравоохранения и социального обеспечения, занятости, налогообложения, лицензирования и ведения бизнеса, государственных закупок и госзаказа, международных торговых операций. Концепция также предусматривала предоставление гражданам новых каналов коммуникации, позволяющих им участвовать

в выработке «правил игры», определяющих отношения между государством и гражданами, и осуществлять постоянный контроль над тем, как эти правила соблюдаются [4].

Таким образом, нарастание фактора сетевых сообществ, значимости коммуникации и доверия существенно стали менять характер государственного / муниципального правления. *Асимметрия* в принятии социально-политических решений становится не совсем эффективной и начинает дополняться *делиберацией*, значимость которой неумолимо возрастает, указывая на формирующийся запрос *совместного* с обществом формирования знания и решения. *Публичные ценности* становятся механизмом *тонкой настройки* механизма *взаимодействия* власти и сетевых сообществ, гражданской общественности.

Внедрение современных форм информационно-коммуникационных технологий способствовали усилению вовлечённости граждан в разные формы взаимодействия с органами власти: они чаще стремятся активно принимать участие в формировании социально-политической «повестки дня». Средства массовой информации, социальные сети, блоги и иные средства онлайн-коммуникации позволяют в кратчайшие сроки аккумулировать значительные человеческие и финансовые ресурсы, подключая ресурс государства, бизнеса, всего общества для оперативного решения социальных задач.

В целом, следует отметить, что общественное участие претерпевает существенные и основательные изменения, связанные с расширением онлайн-интерактивной среды коммуникации как публичной сферы политики и развитием информационно-коммуникационных технологий, обладающих мощным мобилизационным потенциалом. Реализуясь в конкретных социальных практиках в условиях зарождающегося сетевого социума, общественное участие способствует появлению новых многообразных переходных форм и стратегий. Оно не только предъявляет себя как новый проект. Происходят более существенные изменения: изменяется *характер* его проектности. Это новый социальный процесс, который проявляется в преимущественно коротких проектах солидарных действий, в появлении новых сообществ и неустойчивых сетей. Возрастает чувствительность общественного участия к пространственной локализации, к границам социального и территориального пространства, которые социальный субъект идентифицирует как «свои». Поэтому общественное участие начинает носить менее прогнозируемый (в привычном смысле) характер. Оно строится не столько по принципу принадлежности к социальной группе, сколько по проектному принципу заинтересованности участвующего в проблеме, превращая его из участия групп в участие индивидов [5].

Наши исследования политико-административного управления и публичной политики в РФ [6, с. 57–67], с точки зрения теории политических сетей, показывают, что российская практика реализации публичных взаимодействий власти, гражданского общества находится в самом начале своего становления. Исследования муниципальной публичной политики¹ (далее МПП) в 2019 г. эти выводы только подтвердили² [7, с. 312]. Особенно это касается переопределения роли и места государства в формирующемся сетевом пространстве. В этом отношении интересно проследить, как сочетается в нашей системе государственного и муниципального управления сетевой принцип организации управления с традиционно административно-иерархическим. Напомним, что развитие информационно-коммуникационных технологий в последней трети XX столетия способствовали существенным сдвигам в способах организации социума. По мысли одного из ведущих разработчиков сетевого подхода – Ян ван Дейка, сетевое общество все более опирается на отношения, формирующиеся в медиасетях, которые постепенно заменяют или дополняют коммуникации, осуществляемые лицом к лицу [8, р. 6]. Таким образом, личная коммуникация постепенно заменяется цифровыми технологиями. Но главная особенность формирующегося сетевого общества заключается в фундаментальном преобразовании функций, роли и структуры политико-государственного управления. Трансформация привычных форм представительной демократии за счёт расширения числа новых

---

¹ Под муниципальной публичной политикой мы понимаем программы и приоритеты органов власти (любого уровня), механизмы и технологии их реализации, выработанные с учётом ожиданий и при участии основных групп гражданского общества – бизнеса и некоммерческих и общественных организаций через их представителей. Главный акцент при изучении МПП делается на гражданское и деловое участие в решении социально-значимых проблем общества во взаимодействии с властью.

² В процессе исследования особенностей МПП были выбраны четыре муниципальных образования (далее МО) двух областей ЦФО – Костромской и Ярославской. В Костромской области – это *Кострома* (городской округ) и *Красное-на-Волге* (городское поселение), в Ярославской области – *Ярославль* (городской округ) и *Ростов Великий* (городское поселение). Всего в двух областях (в четырёх МО) было опрошено: в Костромской области – 149 респондентов, представляющих активных и компетентных представителей трёх сегментов местных сообществ – муниципальной власти (61 респондент), малого и среднего бизнеса (47 респондентов), руководителей и членов некоммерческих организаций (41 респондент), в Ярославской: 92 респондента, представляющих власть, МСБ – 61 респондент, представителей НКО-сообщества – 57 респондентов.

акторов, которые включаются в процесс формирования и принятия социально значимых решений, постепенного развития принципов электронной (сетевой) демократии, которые повышают значимость делиберации принимаемых решений, потребовали существенной трансформации административного стиля управления и основанной на нем жесткой иерархии управленческой субординации. Неминуемо начинает складываться новый формат современного (сетевого по сути) государства, которое, по мысли М. Кастельса, должно опираться «на сети политических институтов и органов принятия решений национального, регионального, местного и локального уровней, неизбежное взаимодействие которых трансформирует принятие решений в бесконечные переговоры между ними» [1, с. 29]. Для нас важно в этом смысле вычленение основополагающей идеи, связанные с тем, что способности государственных и муниципальных органов как переговорщиков и медиаторов кардинально возрастают и приобретают решающее значение, поскольку сетевое общество перестает быть просто пассивным легитиматором социально значимых решений, активно включается в процесс их обсуждения и принятия. Оно перестраивается по принципу «сети сетей»: «возникает эффект синергии между технологическим изобретением и социальной эволюцией» (М. Кастельс). Иными словами, мы видим, как постепенно формируется сетевая модель продвижения и представительства общественных интересов. Но её развитие зависит от более сбалансированного присутствия иерархического начала: государственная власть должна занять место хоть и важного, но не единственного актора формирования «повестки дня» и принятия социально-значимых решений. Её управленческие технологии и методы не могут опираться исключительно на использование принципов дихотомии «господство-принятие», т. е. на административно-бюрократические распоряжения, иерархическую субординацию, прямое навязывание воли субъекта управления объекту. Главная задача современной системы государственного / муниципального управления теперь заключается в формировании межсекторного (государство / бизнес / некоммерческий сектор) принципа взаимодействий различных сторон межсекторного социального партнерства.

В этом отношении нам кажется важным выделение именно этого, качественного аспекта конечного итога сетевого взаимодействия: специфической организационной структуры, содержательно составляющей взаимодействие субъектов (в отличие от чисто технологического, базирующегося на использовании средств ИКТ и интернета). Эта структура должна базироваться «...на общности целей участников, добровольности участия, доверии участников друг другу, характеризоваться открытостью и развитостью внешних связей» [9, с. 20].

Если проанализировать полученные нами данные об особенностях муниципальной публичной политики в двух регионах ЦФО – Костромской и Ярославской областях, в двух муниципальных образованиях в каждом из них, то увидим, что сетевые принципы организации публичного взаимодействия власти и представителей местного сообщества находятся в весьма специфическом состоянии. Мы увидели, что местная власть пока идёт по самому очевидному и простому пути – узко-технологическому, используя интернет-коммуникации как средство повышения эффективности государственной / муниципальной политики и управления. Так, например, ещё в нашем пилотном исследовании особенностей взаимодействия власти и местного сообщества в публичной сфере в Республике Татарстан в 2017 г. по результатам качественных исследований было зафиксировано, что в Набережных Челнах, крупном промышленном городе, муниципальная власть перешла на передовые, сетевые формы общения с населением: «*Мэр с каждого начальника, руководителя подразделения требует его присутствия в социальных сетях, личную страничку, просмотр пабликов, где могут возникать новости по его направлению. Все недовольства, все жалобы, все обращения к власти фиксируются аппаратом исполкома, направляются по профильному подразделению*» (из интервью с представителем муницип. власти, Н. Челны). Это способствовало тому, что институт рассмотрения жалоб и предложений от населения попал в разряд высоко состоятельных механизмов публичного взаимодействия. Позитивно была оценена работа СМИ и интернет-порталов: «*Есть существенная разница, что было пару лет назад и сейчас. Сейчас очень быстро пополняется группа в социальных сетях, очень активно работает наш интернет-портал города, очень быстро и качественно обновляется информация*» (из материалов ФГ, Н. Челны). Более того, Исполком города начал использовать краудсорсинговые платформы: «*Общественность подключили к обсуждению концепции реконструкции площади Азатлык и реконструкции Шишкинского бульвара. Были собраны предложения. Народу понравилось*» (из интервью с органами муниципальной власти, Н. Челны) [10, с. 72].

Исследование общественных принципов взаимодействия муниципальной власти и гражданского общества в публичном пространстве в Костромской и Ярославской областях в 2019 г. выявило менее развитые сетевые возможности взаимодействия в городских округах – Костроме и Ярославле. Так, в Костроме, как показали исследования, удаётся успешно, используя интернет-коммуникации, проводить, так называемые «народные голосования» по определённым точечным

вопросам организации парковых пространств, школьных территорий и пр.: «...мы поддерживаем площадку “Активный гражданин”, как в Москве. Но нас слишком мало пока – по доле населения – которая будет в этом участвовать, она ниже, чем в столице. У нас уровень интернет-грамотности низкий..., и ветераны говорят, что пока к этому не готовы» (материалы ФГ, Кострома). Но респонденты также отмечали, что город пока не готов к применению краудсорсинговых методов работы с активными слоями города в силу отсутствия соответствующих ресурсов: «Я курировал один из проектов – пришло от Федерации – применить площадку “Активный гражданин” по всем вопросам, но за деньги региона. Но нам их не дают пока. Если нам их дадут – мы только “за”, будем всех депутатов учить, будем выходить и объяснять людям» (материалы фокус-группы, Кострома). И всё же главная причина низкого уровня использования сетевых методов взаимодействия власти и местного сообщества в Костроме в том, что она не встроена органично в ткань системы муниципальной публичной политики, не является определяющей при принятии важных местных решений: «У нас есть опросы и голосования на сайте Администрации города. Но они не растиражированы, они не активны, и поэтому они не привлекают население» (из интервью с предпринимателем Костромы). Приведённые данные по Костромской области подтверждают результаты исследования ФОМ¹ о значимости интернет-технологий в жизни населения России [11]. Так, в частности, было выявлено, чем больше населённый пункт, тем больший процент респондентов положительно оценивал изобретение и использование интернета. Если в Москве с этим утверждением согласны 62 %, то в сёлах и малых городах всего 33 % опрошенных. С уменьшением населённого пункта падало количество жителей, уверенных в том, что изобретение интернета – это благо, и, одновременно, росла доля не ответивших на вопрос. По возрастному срезу молодёжь в возрасте до 30 лет в 71 % случаев положительно оценивала значимость интернета, отрицательно – 14 %. В возрастной группе от 31 до 45 лет, соответственно, – 55 и 19 %. В группе от 46 до 55 лет лишь 30 % считали интернет хорошим изобретением, а плохим – 12 %. Как видим, корреляция от уровня урбанизации и возраста вполне очевидна. Чем крупней город, тем больший процент респондентов считает, что их жизнь радикально преобразуется с присутствием интернет-сервисов. Это неудивительно: в больших городах значительно количество бытовых и бизнес-процессов завязано на работу через интернет: перевод денег, оплата коммунальных услуг, информация о работе транспорта, осуществление государственных услуг, деловой переписки, получение справочной информации – вот далеко не полный перечень того, что поддерживает интернет-инфраструктура общения через электронный инструментарий. Пандемия коронавируса эти процессы значительно усилила.

Ситуация в городском округе Ярославль высветила неожиданно корневую проблему эффективности сетевого взаимодействия и управления: отсутствие накопленного реального социального капитала, когда местная власть стремилась бы к общению с местным сообществом и, соответственно, воспринималась бы им как равноправный партнер: «У нас большая проблема, что общественное мнение и общественные инициативы абсолютно на нулевом уровне, и они не поддерживаются властью и власть разделена с обществом. Вы посмотрите, где эти интернет-площадки для сбора предложений? До чего общество довели, что проблемы решаются, только если ты к президенту обратишься или на каком-то канале администрацию начнешь лупить за то, что там-сям ямы. Не это должно быть инструментом!» (интервью с предпринимателем и депутатом муниципалитета Ярославля). И никакие попытки власти компенсировать отсутствие этого живого социального капитала абсолютизацией чисто технологического свойства, связанного с интернет-каналами, не способствуют формированию ни эффективного муниципального публичного взаимодействия, ни благополучного социально-политического самочувствия реального местного сообщества: «Есть у нас портал “Неравнодушный Ярославль” на Телеграм-канале. Я всё время в пример привожу его, потому что вот там все наши проблемы на поверхности. Я говорю представителям Мэрии, вот, ребята, у нас есть 86-е решение муниципалитета “Об общественном самоуправлении в городе Ярославле” – ТОСы / КОСы, есть порядок вхождения в эти институты, есть готовый инструментарий влияния на эти реальные общественные процессы. А они говорят: мы не хотим, не хотим... этого 86-го решения, мы хотим работать на “Телеграм-канале”. Вовлек в него 40 тыс. населения, и с этой площадки решать вопросы. Вы вот нас оставьте в покое, и не навязывайте нам решения муниципалитета» (материалы фокус-группы в Ярославле). Очень показательным, что представители некоммерческого сообщества города и муниципалитета чётко диагностируют проблему МПП: отсутствие реального желания у муниципальной власти использовать потенциал местного сообщества как ресурс и потенциал развития территории и решения местных проблем, что неминуемо рождает негативные процессы в поле МПП и асимметрию в принятии социально-значимых решений: «Мне кажется, здесь всё очень просто. Вот инициа-

¹ Исследование проводилось в конце января 2019 г., выборка составила 1 500 человек в возрасте 18+.

тивное бюджетирование – тот национальный проект, который зародился, он заложил основу хорошего взаимодействия. А основа заключается в чём? В том, что “деньги” не начинают ничего делать, пока нет инициативы с “земли”. То есть инициатива должна быть с “земли”. Понимаете? А дальше, дальше работает механизм реализации любого проекта... У нас сейчас неплохо начали работать институты согласования вопросов, связанных с градостроительной деятельностью, там началась некая реформа, но опять-таки мы в прошлом году очень активно обсуждали переход от публичных слушаний к общественному обсуждению через площадки интернет с возможностью выдачи замечаний и это техническое оснащение. Мы говорили, что пример Москвы нам очень нравится: “Активный гражданин” и ещё несколько институтов, которые технически дают очень лёгкий способ влиять на те процессы, которые происходят. Условно говоря, я иду, машина стоит на газоне, я её сфотографировал, две кнопки нажал – запустился механизм административного воздействия на нарушителя. И все! У нас – этого нет! И когда мы, общественники, на разных площадках сами вырабатываем методические рекомендации для Мэрии города Ярославля, чтобы нас включили в процесс контрольных мероприятий за процессами, которые происходят в городе, нам говорят: да ну зачем – у нас есть административная комиссия... Там три человека работают, 8 раз в год собираются... Нам этого достаточно... Ну, нету взаимодействия у нас с Мэрией, потому что мы говорим о том, что Мэрия, работая в существующих условиях, не имеет желания и возможности учитывать мнение населения!.. Власть должна захотеть слышать своё население!» (материалы фокус-группы в Ярославле). В итоге, по результатам оценки представителями местного ярославского сообщества таких институтов публичного взаимодействия, как «контроль за деятельностью органов муниципальной власти» и «рассмотрение жалоб и предложений граждан», последние получают невысокие результаты и попадают в зону несостоятельных институтов! Представители же власти существенно оторвались в своих оценках от мнения своего городского сообщества. Полученные количественные данные свидетельствуют о том, что в Ярославле на муниципальном уровне зреет противоречие между традиционно иерархически-бюрократическим стилем управления и растущим запросом местного гражданского сообщества на формат со-управления.

В этом отношении показательна ситуация в менее обеспеченном ресурсами муниципальном районе Красного-на-Волге Костромской области, где реально работающие принципы сетевого взаимодействия власти и местного сообщества в публичной сфере дали высокий реальный результат: *«В Костроме считают, что проблемы здравоохранения находится вне полномочий органов МСУ? А вот мы в Красном смотрим иначе, наша новая местная команда совместно с региональными властями навалилась на эту проблему: все медицинские кадры укомплектованы. Есть пробелы с оборудованием, ещё что-то, строительство модульных ФАПов, и т. д. В принципе, я считаю, что как образование, так и здравоохранение – это ключевые позиции качества жизни населения. Поэтому мы все держим под контролем!»* (интервью с руководителем Управления муниципальной власти Красного-на-Волге). Именно поэтому местное население позитивно оценило усилия администрации района и поселения и дало оценку состоятельности института муниципального здравоохранения практически в два раза выше, чем в самой Костроме (он попал в разряд состоятельных). Здесь уместно отметить значение субъективного фактора: в Красном-на-Волге собралась новая команда муниципальных руководителей социального блока, которая сделала ставку именно на открытость и прозрачность работы с общественными организациями и населением. Активно задействовала консультативные механизмы привлечения гражданской инициативы – Общественный и Консультативный советы при администрации поселения и лишней раз доказала, что публичный принцип взаимодействия с гражданским обществом всегда выступает существенным ресурсом развития территорий и формирования доверия к своей деятельности.

Формирующееся сетевое общество (в широком, качественном смысле) актуализирует запрос на процессы самоорганизации социальных систем внутри управленческих схем, повышении значимости коммуникативной эффективности государственного / муниципального управления. Это задаёт новые форматы в современном публичном управлении, которое осваивает алфавит «направленного влияния», факторы «умного», «мягкого» регулирования и координирования общественных процессов. Таким образом, *публичное управление* в таком качестве не может быть не чем иным, как *со-управлением* (co-governance). Растущая в этих условиях автономность и многовекторность общественного участия всё больше ориентируется на актуализацию понятий *со-управление* и *координация* как основных форм управленческого воздействия, которые предполагают взаимозависимость и заинтересованность акторов в совместных действиях. Выгодность совместных действий заключается в эффекте синергии, своеобразной «прибавочной стоимости», получаемой в результате таких действий по сравнению с результатами самостоятельных действий акторов самих по себе.

Иными словами результаты нашего исследования муниципальной публичной политики, взятых в контексте сетевого подхода, показали, что растущее значение горизонтальных сетей значительно усиливает функции административных структур в сфере организации и координации взаимодействия различных сетей: они становятся ведущими акторами сетевой политики и управления, одновременно замещая традиционное администрирование координационными методами и практиками «умного», гибкого *со-управления*.

Список литературы

1. Кастельс, М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / М. Кастельс ; пер. с англ. под науч. ред. О. И. Шкаратана. – Москва : Высшая школа экономики, 2000. – 608 с.
2. Публичная политика: институты, цифровизация и развитие. – Москва : Аспект Пресс, 2018. – 349 с.
3. O'Flynn, J. From New Public Management to Public Value: Paradigmatic Change and Managerial Implications / J. O'Flynn // *The Australian Journal of Public Administration*. – 2007. – Vol. 66, № 3. – P. 353–366.
4. Мэннинг, Н. Реформа государственного управления: международный опыт / Н. Мэннинг, Н. Парисон. – Москва : Весь мир, 2003. – 496 с.
5. Скалабан, И. А. Общественное участие: теория и практика социального конструирования / И. А. Скалабан. – Новосибирск : Новосибирский гос. тех. ун-т, 2015. – 407 с.
6. Никовская, Л. И. Публичная политика и гражданское общество (на примере Санкт-Петербургского кейса) / Л. И. Никовская, В. Н. Якимец // *Политическая экспертиза. Политэкс*. – 2018. – № 1, т. 14. – С. 57–67.
7. Никовская, Л. И. Особенности муниципальной публичной политики в Ярославской области (по результатам социологического исследования) / Л. И. Никовская, В. Н. Якимец, Е. Ю. Дан-Чин-Ю // *Социальные и гуманитарные знания*. – 2019. – № 4. – С. 312–326.
8. Van Dijk, J. *The Network Society: Social Aspects of New Media* / J. Van Dijk. – London : SAGE Publications, 2005. 304 p.
9. Соколов, А. В. Сетевой политический протест в России: субъекты, тенденции и технологии / А. В. Соколов. – Москва, 2018. – 40 с.
10. Никовская, Л. И. О состоятельности институтов и механизмов муниципальной публичной политики (на примере Республики Татарстан) / Л. И. Никовская, В. Н. Якимец // *Вестник Воронежского государственного университета: Серия История. Политология. Социология*. – 2020. – № 2. – С. 72–87.
11. Дайсон, Эстер. Жизнь в интернете / Эстер Дайсон. – Режим доступа: <https://zen.yandex.ru/media/id/5c72aeec8964fb00b3c7202f/jjzn-v-internete-5c72af568c5bb800b3d76ffa>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус. (Дата обращения: 21.04.2020).

References

1. Castells, M. *Informatsionnaya epokha: ekonomika, obshchestvo i kultura* [The Information age: economy, society and culture]. Ed. by O. I. Shkaratan. Moscow, Higher school of Economics Publ., 2000, 608 p.
2. Publichnaya politika: instituty, tsifrovizatsiya i razvitie [Public policy: institutions, digitalization and development]. Ed by W. L. Smorgunov. Moscow, Aspect Press Publ., 2018, 349 p.
3. O'Flynn, J. From New Public Management to Public Value: Paradigmatic Change and Managerial Implications. *The Australian Journal of Public Administration*, 2007, vol. 66, no. 3, pp. 353–366.
4. Manning, N., Parison, N. Reforma gosudarstvennogo upravleniya: mezhdunarodnyy opyt [Reform of public administration: international experience]. Moscow, Ves mir Publ., 2003, 496 p.
5. Skalaban, I. A. *Obshchestvennoe uchastie: teoriya i praktika sotsialnogo konstruirovaniya* [Public participation: theory and practice of social construction]. Novosibirsk, Novosibirsk State Technical University Publ., 2015, 407 p.
6. Nikovskaya, L. I., Yakimets, V. N. Publichnaya politika i grazhdanskoe obshchestvo (na primere Sankt-Peterburgskogo keysa) [Public policy and civil society (on the example of the Saint Petersburg case)]. *Politicheskaya ekspertiza. Politeks* [Political expertise. Politex], 2018, no. 1, vol. 14, pp. 57–67.
7. Nikovskaya, L. I., Yakimets, V. N., Dan-Chin-Yu, E. Yu. Osobennosti munitsipalnoy publichnoy politiki v Yaroslavskoy oblasti (po rezul'tatam sotsiologicheskogo issledovaniya) [Features of municipal public policy in the Yaroslavl region (based on the results of sociological research)]. *Sotsialnye i humanitarnye znaniya* [Social and humanitarian knowledge], 2019, no. 4, pp. 312–326.
8. Van Dijk, J. *The Network Society: Social Aspects of New Media*. London, SAGE Publ., 2005, 304 p.
9. Sokolov, A. V. *Setevoy politicheskii protest v Rossii: subekty, tendentsii i tekhnologii* [Network political protest in Russia: subjects, trends and technologies]. Moscow, 2018, 40 p.
10. Nikovskaya, L. I., Yakimets, V. N. O sostoyatel'nosti institutov i mekhanizmov munitsipalnoy publichnoy politiki (na primere Respubliki Tatarstan) [On the solvency of institutions and mechanisms of municipal public policy (on the example of the Republic of Tatarstan)]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta: Seriya Istoriya. Politologiya. Sotsiologiya* [Bulletin of the Voronezh state University: History Series. Political science. Sociology], 2020, no. 2, pp. 72–87.
11. Dyson, Esther. *Zhizn v internete* [Life on the Internet]. Available at: <https://zen.yandex.ru/media/id/5c72aeec8964fb00b3c7202f/jjzn-v-internete-5c72af568c5bb800b3d76ffa>.